

Завтрак прошёл в неловкой, натянутой тишине. Умывшись в ванной, Чи Цинтай вышел в гостиную и увидел, что Се Шуюн уже собрал остатки еды в пакет и выставил его к двери.

Цинтай смутился:

— Не стоит, я бы сам.

— Ерунда, всё равно мимо проходил, — отмахнулся тот. Натерев стол дочиста и расставив вещи по местам, Се Шуюн перешёл к делу: — Как состояние твоей мамы?

Лицо Цинтая мгновенно посерьёзнело. Помолчав пару секунд, он сдавленно произнёс:

— Опухоль снова выросла. Прооперированный очаг рецидивировал, давит на нервные окончания. Из-за этого она и впала в кому.

— Злокачественная? — уточнил Шуюн.

— Да, — кивнул Цинтай. — Скальпелем её под корень не вырезать: даже если хирурги вычищают всё до последнего миллиметра, через пару лет опухоль возвращается. А химиотерапия лишь сдерживает рост, уничтожить рак полностью ей не под силу.

Постоянные операции, химиотерапия и гемодиализ выматывали организм. Рецидивы случались всё чаще, интервалы ремиссии сокращались. Мать уже фактически жила в палате, выбыв из нормальной жизни.

Именно поэтому Цинтай в своё время и затеял разработку нового препарата. Он хотел не просто спасти её жизнь, но и вернуть больному человеку человеческое достоинство.

Тогда, на старте, им двигали амбиции.

Он распродал большую часть своих инвестиционных активов, нанял специалистов, с нуля поднял лабораторию. Ему казалось, что создаваемое лекарство поможет не только его матери, но и тысячам других людей с таким же диагнозом.

Однако деньги таяли, лабораторные испытания буксовали, а вокруг плодились слухи и скепсис. Цинтай всё чаще ловил себя на гложущих сомнениях: а правильный ли путь он выбрал?

Особенно тяжело становилось, когда разработки заходили в тупик, матери день от дня делалось хуже, а его самого с головой захлёстывала рутина и бесконечная работа.

Иногда в голову закрадывалась мысль: может, стоило бросить всё и просто быть рядом с ней в

её последние годы?

Впрочем, эти сомнения он быстро давил. Отступать поздно. Жеребьёвка брошена, остаётся только идти до конца.

\*\*\*

Ближе к полудню Чжо Тин наконец очнулась.

Отложив бумаги, Цинтай тут же вызвал лечащего врача.

— Не переживай так, я в порядке. Ничего и не почувствовала — будто просто проспала полдня, — слабым, но неожиданно бодрым голосом улыбнулась Чжо Тин.

Цинтай заметно отмяк:

— Цинцянь тоже прибегала. Но с утра в лаборатории возникли срочные дела, пришлось ей вернуться.

— И правильно, работа прежде всего, — махнула рукой мать. — Чай, не умираю пока. Нечего ей на меня время изводить.

Цинтай спорить не стал. У тяжелобольных людей свой взгляд на жизнь и смерть, и любая утешительная дежурная фраза звучала бы фальшиво.

— А это кто? — Чжо Тин перевела взгляд на стоящего чуть отдаль Се Шуюна.

Тот шагнул ближе и тепло произнёс:

— Мама, я Се Шуюн. Можно просто Сяо Се.

И словно из воздуха достал яркий букет. Подсолнухи — её любимые цветы.

Чжо Тин на миг опешила, а потом искренне, светло улыбнулась:

— А ты романтик, Сяо Се.

Цинтай даже растерялся: когда это Шуюн успел пронести в палату букет? Мать тем временем попросила сына поставить цветы в воду, явно желая остаться с гостем наедине.

Вернувшись с вазой, Цинтай застал их уже в разгаре оживлённой беседы.

— Сяо Се, а сколько тебе лет?

— Исполнилось тридцать, — откликнулся тот.

— Вот и славно, А-Таю в следующем году тоже тридцать. Сяо Се, а работа у тебя сильно плотная? Среди недели отпускают без проблем?

— Вполне. Мы с другом держим частную клинику, так что, если нет плановых операций, график довольно свободный.

— О, так ты хирург? — обрадовалась Чжо Тин. Воспоминания нахлынули на неё: — Я ведь тоже в медицине всю жизнь проработала, в Первой городской. Ох и горячие бывали деньки... Отработаешь ночную смену, а днём снова на ноги и в палату...

Мать давно не выглядела такой оживлённой. Цинтай стоял в сторонке, боясь разрушить эту редкую минуту её радости.

— У нас тоже такое сплошь и рядом, — поддержал тему Се Шуюн. — Вот перед самым свиданием с Цинтаем я отпахал ночную смену, а днём ещё две операции пришлось провести. В итоге опоздал часа на два, не меньше.

Чжо Тин рассмеялась:

— И что, он сильно сердился?

Шуюн с забавным наигранным драматизмом качнул головой:

— Ужасно! Надулся на целую вечность, я потом еле-еле его умаслил.

«Когда это я надувался?!» — Цинтай вперил в Шуюна возмущённый взгляд, но Чжо Тин лишь еще пуще расхохоталась.

Из-за болезни её мир сузился до стен палаты, а круг общения давно ограничивался сиделками да врачами. Простых живых историй она не слышала уже сто лет.

— А-Тай только с виду такой ледяной да неприступный, — мягко сказала она Се Шуюну. — На самом деле сердце у него отходчивое, отмякает быстро.

Шуюн словно вспомнил что-то своё и кивнул с абсолютным пониманием:

— Это уж точно.

— Мама, врач пришёл, — прервал их разговор Цинтай, услышав шаги в коридоре. Чжо Тин даже немного расстроилась, что их беседу так бесцеремонно оборвали.

После осмотра врач увлёк Цинтая к окну обсудить динамику.

Чжо Тин тем временем окликнула гостя:

— Сяо Се, позови, пожалуйста, сиделку.

Выйдя в коридор, Шуюн понял, что ей нужно в уборную.

Закончив разговор с лечащим врачом, Цинтай повернулся и увидел, как мать пытается подняться с кровати при помощи сиделки. Из-за туловища женщины Чжо Тин не заметила стоящие у кровати домашние туфли и оступилась.

— Осторожно! — Цинтай метнулся было вперёд, но мать, теряя равновесие, в последний момент схватилась за руку Се Шуюна.

Тот среагировал мгновенно: подхватил её сухой и уверенной хваткой, а затем вскинул глаза на Цинтая.

Цинтай замёрз на полушаге. На его лице отразилась глубокая, почти детская растерянность и досада. Он тут же отвернулся, пряча нахлынувшие чувства от матери, но от острого взгляда Шуюна этой вспышки уязвимости утаить не удалось.

Чжо Тин ничего не заметила. Поблагодарив Шуюна, она с помощью сиделки ушла в санитарную комнату.

Цинтаю до смерти хотелось проявить заботу, быть полезным. Набрав теплой воды в таз, он приготовил салфетку, чтобы умыть мать.

Однако Чжо Тин только качнула головой, попросив передать всё сиделке.

Цинтай поджал губы. В его глазах читалось упрямство: он хотел сделать это сам.

Мать ласково, но твёрдо остановила его:

— А-Тай, я ведь твоя мать. Я все твои чувства знаю и без слов. Не насилуй себя ради таких мелочей.

Пальцы Цинтая мелкой дрожью сжали влажную ткань, но перечить он не стал.

\*\*\*

Силы покидали Чжо Тин быстро. Едва пообедав, она заснула. Цинтай и Се Шуюн тихо покинули палату.

У дверей всё ещё стоял пакет с упакованными контейнерами из-под завтрака. Шуюн нагнулся было забрать его, но Цинтай опередил его, подхватив мусор.

Се Шуюн удивлённо моргнул:

— Ты же...

— Что? — Цинтай вскинул на него холодный, пронзительный взгляд.

— Не брезгуешь? Это же отходы.

Цинтай смерил его ледяным взглядом и ровным тоном отчеканил:

— Наличие мизофобии и ОКР вовсе не означает, что я не способен донести пакет до контейнера.

В памяти Шуюна снова всплыло то растерянное лицо Цинтая, когда мать предпочла облокотиться на чужие руки.

— Не думал обратиться к психотерапевту? — негромко спросил он.

Цинтай на мгновение замер.

— Ходил. Бесполезно.

— Может, стоит сменить специалиста?

— Посмотрим, — отрезал Цинтай. Развивать эту тему у него не было ни малейшего желания.

Шуюн хотел предложить проверенного врача из своих контактов, но, видя глухую стену отчуждения, вовремя прикусил язык. Дальнейшие расспросы выглядели бы уже бесцеремонным вторжением в личные границы.

В своё время Цинтай действительно пытался лечиться. С первым психотерапевтом он занимался три месяца, со вторым — целый год. Оба курса окончились полным провалом.

Его случай оказался слишком тяжелым и вязким; терапевты только разводили руками. Вымотавшись до предела, Цинтай просто поставил на лечении крест.

С тех пор ноги его не было в кабинетах мозгоправов.

Со стороны его поведение казалось странным и неудобным, однако за долгие годы Цинтай научился мирно сосуществовать со своим расстройством. Он выстроил чёткую систему правил и ритуалов, позволявших жить почти полноценной жизнью.

За исключением редких ситуаций, когда одновременный телесный контакт с несколькими людьми провоцировал приступ паники, в остальное время он ничем не отличался от обычного человека.

И всё же сегодняшняя сцена в палате, когда мать в поисках опоры инстинктивно тянулась не к нему, а к Шуюну, оставшимся осадком жгла сердце.

Вернувшись в кабинет, Цинтай выдвинул верхний ящик стола, отыскал среди бумаг визитку психотерапевта и долго, хмуро задумчиво её разглядывал.

— Босс, — в дверь постучал секретарь Чжоу, — через час начинается питчинг стартапов. Пора выезжать.

Цинтай швырнул визитку обратно в ящик и мгновенно сбросил минутную слабость, вновь превратившись в холодного, собранного руководителя:

— Едем.

\*\*\*

Как глава китайского представительства инвестиционной компании «Шаньшэн», Цинтай регулярно проводил встречи с предпринимателями: выслушивал презентации, оценивал риски, отбирал перспективные проекты.

Питчинг — когда десятки стартаперов выступают на одной площадке — экономил время венчурным фондам и давал молодым командам шанс быть замеченными.

Нынешнее мероприятие организовывало крупное финансовое издание. Цинтая пригласили в качестве почетного эксперта. К его приезду зал уже гудел как улей: десятки глаз с надеждой и азартом следили за каждым шагом инвестора.

Цинтай занял своё место в центре первого ряда. Слева сидел старый знакомый из отечественного инвестбанка, а вот кресло справа пока пустовало. На столе перед ним стояла именная табличка: Се Янь, партнёр венчурной компании «Циньянь».

За минуту до начала сосед всё-таки материализовался. Это был совсем молодой парень с открытым лицом и смешливыми глазами.

Цинтай его не знал, но юноша, похоже, всю горел желанием пообщаться. Весь первый час он крутился на месте, пока на кофе-бреке наконец не решился подойти.

— О, сноха, вы тоже здесь?

Цинтай слегка изогнул бровь.

— Я Се Янь! — парень ткнул пальцем себе в грудь. — Двоюродный брат Се Шуюна.

Цинтай сдержанно кивнул:

— Здравствуйте.

Се Янь расплылся в белозубой улыбке:

— Вот уж не думал встретить вас тут! Может, поужинаем вместе после мероприятия? Я в этой сфере новичок, давно хотел попросить у вас пару советов.

— Советов не обещаю, — спокойно возразил Цинтай, — я просто на пару лет раньше вошёл в бизнес и накопил чуть больше шишек. Можем просто обменяться опытом.

— Вот и отлично! — Се Янь тут же вытащил телефон, листая список ресторанов. — А у вас есть какие-то ограничения в еде? Предрасположенности?

— Никаких. И ещё... Не нужно звать меня «снохой». По имени — вполне достаточно.

— Тогда буду звать просто братом! — парень быстро нашёл нужную точку. — Как насчёт шашлыка? Тут неподалёку есть одно безумно популярное заведение. Мои друзья все уши прожжали, говорят — пальчики оближешь, хоть обстановка и так себе. Но если не хотите стритфуд, можем поехать в закрытый ресторанчик у Восточных ворот, там тоже отменно готовят.

Видя такой искренний энтузиазм, Цинтай кивнул:

— Поехали на шашлыки.

\*\*\*

К восьми вечера у уличного павильона выстроилась внушительная очередь. Попасть внутрь удалось только минут через пятнадцать.

Заведение и впрямь выглядело тоскливо: крошечный зальчик не вмещал всех желающих, поэтому большинство столиков ютилось прямо на улице под натянутым тентом. Впрочем, от пышущих жаром мангалов веяло таким теплом, что мёрзнуть не приходилось.

Цинтай устроился на пластиковом стуле, не снимая пальто. Официант шустро принёс меню и одноразовую посуду.

Сделав заказ, они немного поговорили о делах, а вскоре на столе появились первые сочные шампуры.

Свежая баранина с аппетитными прослойками жира пахла дымком и специями, покрывшись румяной корочкой.

Вообще-то Цинтай избегал подобной жирной пищи из-за чувствительного желудка, но сегодня не удержался, попробовал один кусочек — и буквально замер от восторга.

— Ну как? Я же говорил! — хохотнул Се Янь, с обеих щек уплетая мясо.

Цинтай искренне одобрил:

— Действительно вкусно.

— А ведь я предлагал брату сюда сходить, так он наотрез отказался, — Се Янь с торжествующим видом выудил телефон. — Сейчас наберу ему по видеосвязи, пусть слюнками изойдёт!

«Брат» — это Се Шуюн?

Цинтай едва успел вскинуть голову, как звонок приняли, и его собственное лицо отобразилось на том конце провода.

Шуюн только что вышел из операционной — выжатый как лимон и зверски голодный. Се Янь со своей выходкой попал аккурат под горячую руку.



Едва приняв вызов, Шуюн хмуро буркнул:

— У тебя что-то срочное?..

И замер, разглядев на заднем плане Цинтая.

Обшарпанный стул, клубы пара, шумная уличная забегаловка... И среди всего этого хаоса — Цинтай, который с безупречно элегантным видом уплетал бараний шашлычок.

— Чи Цинтай?

Не успел Шуюн толком взглядеться, как в кадр влезла сияющая физиономия Се Яня:

— Брат! А я тут с братом Цинтаем ужинаю! В той самой забегаловке, помнишь? Ну что, завидно? — Се Янь перевёл камеру на стол, перечисляя: — Баранина, креветки на углях, куриные лапки в специях, запечённые устрицы...

Шуюн разглядел сомнительный антураж и тут же нахмурился:

— Ты зачем затащил его в эту забегаловку?

— А что такого? Чем тебе стритфуд не угодил? Забываешь свои корни? — поддатый Се Янь под защитой Цинтая внезапно обрел небывалую смелость. — Нынче хорошая уличная еда стоит будь здоров! Знаешь, какая тут очередь? Я специального человека нанимал, чтобы нам столик заняли!

Шуюн не мог вслух выдать секрет о чистоплотности и боязни грязи Цинтая, поэтому просто сказал:

— У Цинтая слабый желудок. В таких местах гигиена хромает, ему нельзя это есть.

— Да он сам согласился! — с этими словами Се Янь развернул экран к Цинтаю. — Брат, слышишь? Он говорит, ты от уличной еды сляжешь с животом!

Цинтай как раз доедал очищенную запечённую креветку. Мясо было сочным и сладковатым — пожалуй, лучше, чем во многих мишленовских ресторанах.

Проглотив кусочек, он ровно проговорил в камеру:

— Спасибо за заботу. Я знаю свои границы.

— Вот видишь! — воодушевился Се Янь. — Брату всё нравится!

Шуюн понял, что спорить с пьяным бесполезно:

— Сбрось адрес.

Получив геолокацию, Шуюн отключился. Се Янь победно уставился на Цинтая:

— Сейчас брат приедет! Видимо, мои аппетитные рассказы взяли свое!

Раз Шуюн едет поесть, то его миссия окончена. Цинтай отложил бамбуковую шпажку и поднялся:

— Что ж, мне пора. Вы тут сами заканчивайте.

— Как пора?! — опешил Се Янь. — Вы не будете его ждать?

Цинтай застёгивал пуговицы пальто:

— Только что написал один фаундер. Надо встретиться и переговорить.

Рабочие вопросы — дело святое, так что Се Янь не стал настаивать и попрощался.

\*\*\*

Полчаса спустя на пороге забегаловки появился запыхавшийся Се Шуюн. Но за столиком его ждал лишь одинокий Се Янь.

— О, брат! Чего закажешь? Наше уже остыло, давай попросим пережарить!

Шуюн оглядел пространство:

— А где Цинтай?

— Сказал, у него срочная встреча с инвестором, и уехал.

Се Шуюн замер. Он летел сюда сломя голову, а в итоге даже не застал его. Внутри кольнуло досадное разочарование, но тут же пришло осознание: он ведь сам не просил Цинтая ждать и даже не предупредил о приезде.

Вздохнув, Шуюн выдвинул стул и сел на место, где только что сидел Цинтай.

За соседним столиком сменилась компания. Нарядно одетая девушка ошпаривала кипятком пиалы и ворчала:

— Готовят-то тут божественно, но грязь — ужас просто.

— Да брось, — отмахнулась подруга, — мы и сами не из стерильной лаборатории.

Се Шуюн повернулся к брату:

— Цинтай обрабатывал посуду?

— Ого, да ты после свадьбы превратился в заправскую мамочку! — поглумился Се Янь, но под тяжелым взглядом брата моментально исправился: — Нет, ничего он не обдавал. Распаковал пластик и сразу начал есть.

На улице ходить в перчатках, сжиматься от случайных касаний прохожих сквозь одежду... и при этом спокойно выкидывать мусорные пакеты и уплетать шашлыки за обшарпанным уличным столом?

Шуюн снова вспомнил выразительную картинку в смартфоне.

Всего полчаса назад Чи Цинтай сидел на этом самом месте и с невозмутимым видом смаковал зажаренную баранину со шпажки.

И где тут хоть капля той самой невыносимой мизофобии?

<http://bllate.org/book/19574/1933844>